

Анохина Ю. Ю. Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского / Ю. Ю. Анохина // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-129-148.

Anokhina, Yu. Yu. (2017). Categories of Being and Non-Being in Book of Poems “The Twilight” by Ye. A. Boratynsky. *Nauchnyy dialog*, 10: 129-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-129-148. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Боратынский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-129-148

Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского¹

© Анохина Юлия Юрьевна (2017), аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы Российской академии наук — РАН (Москва, Россия), julia.ane@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о том, как Е. А. Боратынским интерпретируются категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» (1842). Отмечается, что «Сумерки» стали итоговой книгой в творчестве поэта, в ней отразились его философские искания в 30-е годы XIX века. С другой стороны, как подчеркивает автор данной статьи, выход «Сумерек» ознаменовал закат целой эпохи — эпохи романтизма с его искусством и философией. Утверждается, что Е. А. Боратынский размышляет о бытии как существовании субъекта, о бытии как «юдольном мире», а также о сверхбытии. С помощью анализа мотивов возникновения, созидания и исчезновения, прослеживающихся в творчестве Е. А. Боратынского, раскрываются представления поэта о небытии и об «инобытии». Утверждается, что в «Сумерках» онтологические проблемы оказываются тесно связанными с гносеологическими вопросами. Показано, что, согласно творческой концепции Е. А. Боратынского, к подлинному знанию приводит не чувственный или рациональный способ познания, а «металогический», то есть тайны сверхбытия открываются посредством «металогии». Автор статьи заключает, что индивидуальные искания Боратынского отвечают общим тенденциям развития истории русской мысли.

Ключевые слова: бытие; небытие; поэзия; Е. А. Боратынский; романтизм; книга стихов «Сумерки».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) / This scientific investigation was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

1. Вступление

Для русской философской мысли в целом характерно оправдание бытия. Это отразилось, например, в книге известного русского философа Е. Н. Трубецкого «Смысл жизни» [Трубецкой, 2005], на которую несомненное влияние оказала работа В. С. Соловьева об основах нравственной философии «Оправдание добра» [Соловьев, 2012]. Однако еще в середине XIX века русские мыслители, изучая труды немецких философов, предпринимали собственные попытки решения онтологических вопросов. Это выразилось, например, в статье И. В. Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» [Киреевский, 1979, с. 293—333] или в неоконченном «Письме о философии Ю. В. Самарину» А. С. Хомякова [Хомяков, 1900, с. 321—350].

Одной из характерных черт русской философской мысли считается «онтологизм» [Зеньковский, 2001, с. 21], а другой ее чертой — сложное взаимодействие с литературой. Философское начало в литературе может быть извлечено не только из философских трудов, созданных тем или иным автором. Философские воззрения писателя или поэта могут быть прочитаны в самом художественном тексте. В круг философских проблем, поставленных в русской литературе XIX века, вошли вопросы свободы, воли, веры, неверия, места человека в мире. Среди этих проблем далеко не последнее место занимают и вопросы онтологические.

Евгений Абрамович Боратынский (1800—1844) вошел в историю русской литературы как «поэт мысли». Такая репутация поэта сформировалась во многом благодаря известным словам А. С. Пушкина о нем: «Он у нас оригинален, ибо мыслит» [Пушкин, 1949, с. 185] — и закрепилась за ним благодаря работам русских символистов о его творчестве. В частности, этому способствовала статья В. Я. Брюсова «Мировоззрения Баратынского» (1898) [Брюсов, 1975, с. 35—42], где поэт и литературовед на основании тех идей, которые воплотились в творчестве Е. А. Боратынского, проследил развитие его философии от эпикуреизма к христианству. Действительно, сама логика творческого пути Боратынского от анакреонтики к поэзии «глобальных обобщений» [Летопись, 1998, с. 43] глубоко диалектична.

В книге стихов «Сумерки» (1842) нашли отражение результаты размышлений поэта над теми философскими вопросами, которые его волновали во второй половине 30-х — начале 40-х годов XIX века: в книгу вошли стихотворения, написанные с 1835 по 1842 годы. Недаром известный исследователь творчества поэта А. М. Песков отмечал: «“Сумерки” — книга философических ответов, данных с позиции сверхзнания» [Летопись, 1998, с. 43]. Среди философских проблем, поставленных в книге: осмыс-

ление роли искусства в мире, место отдельной личности в историческом движении. Воплотилось в книге и понимание Боратынским таких категорий, как бытие и небытие.

2. Степень разработанности проблемы

Вопросы о бытии и небытии в поэтическом творчестве Е. А. Боратынского относятся к числу сложнейших, притом во многом противоречивых проблем. В боратыноведении затрагивались разные стороны этой проблемы. Обратим внимание на две статьи, вышедшие в 2014 и 2015 годах соответственно. В статье Н. В. Патроевой «Концепт “бытие” в поэтической картине мира Е. А. Боратынского: к реконструкции языковой личности “поэта мысли”» [Патроева, 2014а] представлен лингвистический анализ концепта «бытие», исследованы возможности валентностной и лексической сочетаемости слова *бытие* у Боратынского.

В статье Г. П. Козубовской «Поэтическая философия Е. А. Боратынского: “границы бытия”» [Козубовская, 2015] на материале лирического и эпистолярного наследия Е. А. Боратынского рассмотрены мифопоэтические мотивы «первый» и «последний», а также геронтологический мотив и семантика мифологемы числа «два». Г. П. Козубовская на базе эпистолярного наследия поэта обосновала возможность постановки проблемы «поэтическая философия Е. А. Боратынского».

Стоит назвать и те исследования, проблематика которых оказывается смежной с вопросами о бытии и небытии. Таковыми являются работы, посвященные анализу образов жизни [Патроева, 2014б] и смерти [Вайскопф, 2003; Рудакова 2013, с. 111—118], мотивов веры и неверия [Рудакова, 2013, с. 98—106]; судьбы и рока [Рудакова, 2013, с. 106—111] в творчестве Е. А. Боратынского.

В указанных работах дается общее представление о том, как раскрываются обозначенные категории, образы и мотивы в лирике поэта в целом. Некоторые из исследователей прослеживают эволюцию в осмыслении понятий жизни и смерти, «концепта» бытие в лирике поэта. Н. В. Патроева, например, отмечает, что «активизация использования лексемы “бытие” в поэтическом дискурсе Е. Боратынского наблюдается с середины 1820-х гг., когда поэт сближается с членами московского “Общества любителей”, русскими шеллингианцами — Д. Веневитиновым, братьями Киреевскими, А. Хомяковым, С. Шевыревым и др.» [Патроева, 2014а, с. 167]. Другая современная исследовательница С. В. Рудакова отмечает: «В разные периоды своего творчества Е. А. Боратынский по-разному подходил к осмыслению смерти» [Рудакова, 2013, с. 112], — и прослеживает, как по-

степенно изменяется и усложняется понимание проблемы смерти в лирике Е. А. Боратынского.

Попытка рассмотреть то, как по-новому высвечиваются ключевые идеи поэта в его творчестве, не просто закономерна, она продиктована и позицией самого Боратынского: истинным поэтом может быть назван тот, кто находится в постоянном поиске и развитии. Еще в 1828 году в письме А. С. Пушкину Боратынский, размышляя о причинах непонимания публикой «Евгения Онегина», писал о мировоззренческой эволюции истинного поэта: «Поэт развивается, пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием» [Летопись, 1998, с. 203].

Если принять во внимание установку самого Боратынского на «поэтическое развитие», а также то, что книга «Сумерки» явилась отражением поэтических и философских исканий его уже зрелого пера, то попытка анализа категорий бытия и небытия именно в этой книге логична. Актуальность нашей работы объясняется тем, что в этом ракурсе книга стихов «Сумерки» еще не рассматривалась.

3. Задачи и методология

Автор настоящей работы ставит перед собой задачу представить анализ категорий бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского.

При изучении этого вопроса мы опирались на герменевтическую методологию и возможности имманентного анализа. На первом этапе исследования осуществлялась выборка тех контекстов, в которых реализуется лексема *бытие*, затем проводился анализ этих контекстов. На втором этапе, поскольку Е. А. Боратынский не употребляет слово *небытие* в «Сумерках», была предпринята попытка анализа этой категории в книге посредством осмысления мотивов возникновения, созидания и исчезновения.

Следует отметить, что книга стихов «Сумерки» представляет собой лирическое единство. И хотя среди ученых нет единого мнения о жанре «Сумерек» [Хузеева, 2013], художественная целостность книги подтверждается такими исследователями творчества поэта, как И. Л. Альми [Альми, 1973], М. Н. Дарвин [Дарвин, 1988], А. И. Власенко [Власенко, 1992], С. В. Рудакова [Рудакова, 2011]. Одним из важнейших, наряду с категориями художественного пространства и художественного времени, объединяющих стихотворения в книгу начал является лирический герой книги. Исследователи «Сумерек» по-разному подходят к интерпретации этого образа. Так, И. Л. Альми назвала это начало «внеличным комплексом» [Альми, 1973, с. 24]. Рольф Фигут в связи с анализом «Сумерек» вводит понятие «циклического субъекта» [Фигут, 2001].

Однако согласимся скорее с С. В. Рудаковой, которая, анализируя своеобразие лирического героя книги, пишет: «В центре “Сумерек” — лирическое “Я” автора — это Поэт, но представленный не своей индивидуальности, а рассмотренный в масштабах всего человеческого рода» [Рудакова, 2011, с. 85].

4. Бытие как существование субъекта

В книге стихов «Сумерки» бытие мыслится как существование отдельной личности. Например, в финале стихотворения «Недоносок» о гибели «ничтожного духа», недоноска, поэт пишет: «Отбыл он без бытия». Для того чтобы понять смысл этого стиха, обратимся к истории публикации «Недоноска». Как сообщают исследователи творчества Боратынского, в частности А. С. Бодрова [Бодрова, 2012], впервые этот текст появился в печати за семь лет до выхода «Сумерек», в апрельском номере журнала «Московский наблюдатель» за 1835 год. Для публикации стихотворения в книге стихов Боратынский несколько переработал текст, одним из результатов редактуры стало исключение второй строфы текста, завершавшейся так: *Мне лишь чувство бытия / Средь пустых полей эфира* [Баратынский, 1982, с. 483]. Жизнь недоноска им самим осмыслена как «чувство бытия». Стихотворение написано от лица недоноска, однако в финальной строфе первым лицом стихотворения становится лирический герой всей книги, поэт, который и «оживил недоносок». С точки зрения поэта, существование недоноска не может быть названо *бытие*. Отсюда и мысль о том, что недоносок «отбыл он без бытия» [Баратынский, 1982, с. 282]. С точки зрения автора, подлинным бытием не может обладать то, что является лишь плодом фантазии поэта, который сам, силой разума «оживил недоносок». С другой стороны, недоносок постигает собственное существование не рационально, а с помощью только «чувства», возможно, поэтому автор книги и отказывает недоноску в подлинном бытии. Существование недоноска — лишь кажимость.

Субъектом бытия в «Сумерках» оказывается и лирический герой, поэт. Центральный вопрос, поставленный в книге, — вопрос о роли искусства в современной Боратынскому действительности, поэтому осмысление самого бытия и жизни оказывается субъективным и рефлексивным, а сама проблема бытия — тесно связанной с вопросом о назначении поэзии.

Амбивалентный характер жизни поэта показан в первом стихотворении книги «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»: *<...> жизнь моя: / Исполнена тоски глубокой, / Противоречий, слепоты, / А между тем любви высокой, / Любви, добра и красоты* [Баратынский, 1982, с. 271]. Собственно сами жизненные противоречия не имеют ценности. Их цен-

ность определяется лишь тем, насколько они могут служить материалом для творчества: *Вам приношу я песнопенья, / Где отразилась жизнь моя* [Баратынский, 1982, с. 271]. Для лирического героя ценность события или чувства состоит в том, что оно становится поводом к вдохновению. Подобная мысль выражена и в стихотворении, посвященном А. С. Пушкину, — «Новинское». Влюбленность, которую стремится вызвать у поэта кокетка, — только катализатор поэтического вдохновения: *Сей тонкий сон воображенья, / Что посылает Аполлон / Не для любви — для вдохновенья* [Баратынский, 1982, с. 277]. Индивидуальная жизнь поэта, со всеми формирующими ее противоречиями, представляет собой содержание и материал для поэзии. Поэзия в этом смысле оказывается формой, в которую отливается содержание жизни, бытия поэта.

Гармоничность бытия поэта обеспечивается не только тем, что его жизнь — материал поэзии, но и иными условиями. Одно из таких условий — близость друзей. Существование поэта подобно смерти, небытию, когда его друзья, собраты по перу, далеки. Жизнь без друзей метафорически названа существованием «как бы во гробе» в послании «Князю Петру Андреевичу Вяземскому». При этом близость людей определяется не только профессиональной принадлежностью литературе. Для автора «Сумерек» немыслима дружба с писателями, литературные взгляды которых ему чужды. В книгу должна была войти эпиграмма «Коттерии», направленная против литераторов из враждебного «лагеря». Невозможна духовная близость с писателем-дилетантом: неумелый автор — мишень другой эпиграммы, вошедшей в книгу, — «Увы! Творец непервых сил!..».

Близость возможна при общности устремлений, о чем поэт пишет в начальных строках книги: *Как жизни общие призывы, / Как увлеченья суеты / Понятны вам страстей порывы / И обаяния мечты* [Баратынский, 1982, с. 271]. Именно духовные устремления к познанию и земной действительности (*увлеченья суеты*), и тех законов, на которых зиждется мироздание (*жизни общие призывы*) сближают поэтов. Задача поэзии, с точки зрения Баратынского, состоит в познании жизни, бытия. И смысл жизни поэта сводится к познанию бытия и распространению знания, поэтому труд поэта в одном из ключевых текстов книги, в стихотворении «Осень», назван *трудом бытия*, а сам поэт уподоблен *оратаю жизненного поля*.

В книге «Сумерки» бытие личности — такое ее существование, которое наполнено смыслом и подлинное «уразумение» которого возможно лишь в синтезе рационального и чувственного способов познания. При этом собственно «бытийность» может трансформироваться в зависимости от изменения условий. Категории бытия и жизни в этом ключе являются

тождественными. Смысл индивидуального бытия, жизни поэта сводится к поэзии, цель которой заключается, по Боратынскому, в познании законов бытия в более широком смысле.

5. Земное бытие: человечество и природа

В книге стихов «Сумерки» бытие в широком смысле понимается как все сущее. При этом «сущее» неоднородно, оно включает в себя земную реальность и сверхбытие.

Земная действительность в наиболее обобщенном понимании метафорически названа Боратынским «море бытия» в стихотворении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»: *Понятны вам все дуновенья, / Которым, в море бытия, / Послушна наша ладия* [Баратынский, 1982, с. 71]. Все сущее на земле подчинено всеобщим законам (*все дуновенья*). Законы, которыми управляется земная жизнь, познаваемы и, с точки зрения, поэта, постигнуты его «собратьями по перу», отсюда и слово *понятны*.

Субъекты земного бытия — человечество и природа. Бытие человечества представляет для Боратынского интерес в исторической перспективе. Поэт сталкивает эпоху «золотого века» культуры в античности с упадком современной ему действительности в стихотворениях «Последний поэт» и «Рифма». Аналогично и в стихотворении «Ахилл», в котором сопоставлены две культурные парадигмы: античная и христианская.

В книге выражено и отношение поэта к бытию человечества в конкретный исторический период — в современную ему эпоху. К современникам, за исключением друзей, поэт обращается в жанре эпиграммы. Кроме дилетантизма авторов в упоминавшихся выше эпиграммах, поэт высмеивает пустоту женщин в стихотворениях «Филида, с каждою зимой...» и «Новинское».

Познаваемость законов земного бытия оборачивается для поэта трагедией. Все явления земной жизни прозрачны, они повторяются: *Все ведомы, / И только повторенья грядущее сулит* [Баратынский, 1982, с. 288] — такова основная идея стихотворения «На что вы дни? Юдольный мир явления...». Циклическое восприятие времени не единственное в «Сумерках». В последней строфе стихотворения «Осень» поэт предрекает гибель человечества: *Со смертью жизнь, богатство с нищетой — / Все образы години бывшей / Сравняются под снежной пеленой, / Однообразно их покрывшей* [Баратынский, 1982, с. 301]. Эсхатологические воззрения, характерные для Боратынского в 30-е годы, выразились в книге 1842 года.

Одно из свойств бытия человечества заключается в зависимости человека от временных категорий прошлого, настоящего и будущего, что вос-

принимается негативно: человек оказывается привязанным к определенной эпохе, а современность не всегда удовлетворяет духовным запросам поэта.

Вторым субъектом земного бытия является природа. Связь человека с миром природы — одна из важнейших проблем, поставленных в книге. Натурфилософия «Сумерек» сосредоточена в стихотворении «Приметы». В прошлом природа жила одной жизнью с человеком: *Нечуждая жизнь в ней дышала* [Баратынский, 1982, с. 279], тогда как ныне она стала лишь объектом научных изысканий. Для ученого природа — только «естество», это слово подчеркивает узость научного познания природного мира. Ироничное отношение к серьезности науки звучит в стихотворении, которое Е. Н. Лебедев предлагал признать композиционным центром книги [Лебедев, 2000, с. 136], — «Благословен святое возвестивший!..»: *Плод яблони со древа упадет: / Закон небес постигнул человек* [Баратынский, 1982, с. 301]. Поэт не противопоставляет научное знание поэтическому, а предостерегает от односторонности познания. Недаром в стихотворении «Последний поэт» он называет науку возвышенным именем музы Урании, и вместе с тем наделяет ее эпитетом *холодная* в противовес *жару* вдохновения или любви античной поэтессы Сапфо.

Для того чтобы понять, каково отношение «бытия человечества» и «бытия природы», обратимся к последней строфе стихотворения «Приметы»: *Но, чувство презрев, он доверил уму; / Вдался в суету изысканий... / И сердце природы закрылось ему / И нет на земле прорицаний* [Баратынский, 1982, с. 279]. Сначала человек отвернулся от мира природы, после этого *сердце природы закрылось ему*. Отношения человечества с миром природы можно описать следующей формулой: чем ближе человечество к духовной смерти, тем дальше оно от природы.

Для поэта, в отличие от представителей «толпы», мир природы — одна из важнейших составляющих юдольного мира. Реалии природного мира становятся источниками метафор и аллегорий поэзии и вдохновения. Море в стихотворении «Последний поэт» — единственная стихия, которую человек не покорил, оно символизирует и свободу, и любовь, и поэзию: подчеркивается, что именно море стало последним прибежищем античной поэтессы Сапфо. В поисках утраченной гармонии Последний Поэт устремляется именно к природе, *в немую глушь*.

Для того чтобы посмотреть, как сказывается трагический разлад во внутреннем бытии Последнего Поэта на его отношениях с миром природы, обратимся к последней строфе стихотворения: *Но в смущение приводит / Человека глас морской, / И от шумных вод отходит / Он с тоскующей душой!* [Баратынский, 1982, с. 276]. Трагедия лирического героя,

разлад его поэтических представлений с требованиями «железного века» становится причиной разлада и с миром природы. Морские волны сначала напоминают ему о прежних идеалах, а затем вообще теряют для него смысл, их голос больше не поет о Сафо и поэзии, а становится *шумом*.

Природа в «Сумерках» все же ассоциируется с поэзией и творчеством, ведь не даром пение птиц, жаворонка и соловья, является аллегорией вдохновения в стихотворениях «Здравствуй, отрок сладкогласный!..» и «Что за звуки? Мимоходом...». И напротив, молчание птиц в «Осени» предвещает смерть природы, ее «зиму», которая, в свою очередь, оказывается символом и финала жизни самого поэта, и ухода целой эпохи, и гибели мира в целом.

Земное бытие в книге — это бытие человечества: как в широкой исторической перспективе, так и в конкретный временной отрезок, ограничивающийся современной Боратынскому действительностью. Те процессы, которые происходят в земной реальности, в целом, осмыслены «Сумерках» как негативные, и, как следствие, в книге очерчен драматический разлад индивидуального бытия поэта с тем «железным веком», в котором он вынужден существовать. Земное бытие — это и природа, разлад с которой становится следствием разлада во внутренней жизни поэта и свидетельствует о духовной гибели человечества.

Отметим, что не только разлад с человечеством и природой заставляет поэта искать иного. Его природа такова, что в земном, материальном поэт не найдет духовного успокоения: *Но пред тобой, мысль острый луч, как пред нагим лучом / бледнеет жизнь земная* [Баратынский, 1982, с. 293]. Строки из стихотворения «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..» показывают, что вопрошающая поэтическая мысль, устремлена за границы земного.

6. Многомерность сверхбытия

Единый лирический герой книги стихов «Сумерки» — поэт, он не только является субъектом бытия, как это мы попытались показать выше, он является и познающим бытие субъектом. Объектом познания поэта выступают как реалии земного бытия, так и сверхбытие.

Идея сверхбытия в книге выражена имплицитно, она связана с представлением о нездешней реальности. Например, «ничтожный дух», лирический герой стихотворения «Недоносок», трагедия которого состоит в его неприкаянности, находится в постоянном движении между страшным земным миром «людских скорбей» и миром заоблачным, идеальным. Ему доступно лишь знание о том, что облака — это граница, отделяющая его

от сверхбытийного идеального пространства: *Знаю: рай за их волнами* [Баратынский, 1982, с. 281]; у него нет ни возможности его достичь, ни даже знания о том, как это сделать.

Лирическому герою стихотворения «Бокал» думается, что приоткрыть завесу тайны сверхбытия можно благодаря беседе с «другом Аи». Он призывает своего собеседника: *Вот теперь со мной беседуй / Своенравная струя! / Упоенья проповедуй, / Иль отравы бытия* [Баратынский, 1982, с. 286]. Сверхбытие здесь — это не просто рай: как и земная реальность, оно противоречиво, там есть и радости (*упоенья*), и скорби (*отравы*). И действительно, там, за гранью земного — *Откровенья преисподней / Иль небесные мечты* [Баратынский, 1982, с. 286]. К тайнам сверхбытия устремлена мысль лирического героя.

Иначе воплотилась идея сверхбытия в стихотворении «Толпе тревожный день приветен, но страшна...». В отличие от «толпы», которую «ночь безмолвная» пугает, для лирического героя ночь — время поэтического вдохновения, которое становится проводником в «заочный мир». Если недоносок не властен преодолеть границу между «здесь» и «там», то лирическому герою этого стихотворения такая власть дана: *Коснися облака нетрепетной рукою — / Исчезнет; а за ним опять перед тобою / Обители духов откроются врата* [Баратынский, 1982, с. 291]. Однако внеземная реальность здесь оказывается тем миром, который, так сказать, заложен внутри сознания героя, это мир его фантазии, поэзии. Это своеобразный мир идей, их бытие до оформления в слова, в поэтические формулы. Отсюда осмысление этого мира как «своего», а не «чужого», недостижимого: лирический герой — *Веселый семьянин, привычный гость на пире / Неосязаемых страстей* [Баратынский, 1982, с. 291].

Оба представления о внеземном бытии, как о мире идей и как о рае, выражены в стихотворении «Что за звуки? мимоходом...», которое посвящено теме «поэт и толпа». «Чернь» не понимает песен нищего слепого старца. Поэтическая юность героя представлена так: *А с тобой издавна тесен / Был союз камни песен, / И беседовал ты с ней, / Безымянной, роковою* [Баратынский, 1982, с. 292]. Вдохновение уподоблено беседе с существом из нездешнего мира, одной из камней, покровительниц искусства, что символизирует погружение во внутренний процесс творческого акта. Оказывается, что внутренний мир идей, согласно автору книги, является основой творчества. Между тем, как будто утешая своего героя, поэт называет его *избранником*, сопоставляет его с пророком: его искусство названо *музыкальными скрижалями*, оно сакрально, дано «от сверхбытия». Более того, поэт выражает надежду: *Там, быть может, в горнем клире / Звучен будет голос твой!*

[Баратынский, 1982, с. 293]. Идея о посмертном утешении не находящего на земле понимания художника связана с представлением о горнем мире, в котором голос поэта-пророка будет услышан и понят.

Иное воплощение находит идея сверхбытия в стихотворении «Осень»: здесь появляется идея Промысла. Лирический герой, столкнувшись с трагическим осознанием бесплодности «труда бытия», расставшись с романтическими мечтаниями, покаянно признает, что необходимо смирение Провидением: *Пред промыслом оправданным ты ниц / Падешь с признательным смиреньем, / С надеждою, не видящей границ, / И утоленным разумьем* [Баратынский, 1982, с. 299]. После избавления от иллюзий, после очищения от гордыни поэт обретает возможность *утолить разумение*. Подлинное понимание законов бытия, сверхзнание достигается не разумом или чувством, а «металогически». Трагедия состоит в том, что избавление от иллюзий — процесс многотрудный и болезненный для поэта. Перед тем, как *Отряхнуть видения земли / Порывом скорби животворной*, чтобы узреть *цветущий берег за мглою черной*, необходимо задушить *воплъ тоски великой* и принять *Как лучший жизни клад / Дар опыта, мертвящий душу хлад* [Баратынский, 1982, с. 299]. Лишь тогда поэту будет дана возможность приблизиться к пониманию того, о чем поют *бытия мятежные голоса*. Познание истины достигается не с помощью опыта, разума или чувства, оно дается «от Промысла», от сверхбытия. Трагично и то, что, получив это знание, поэт не может его выразить и быть при этом понятым:

Знай, внутренней своей вовеки ты

Не передашь земному звуку

И легких чад житейской суеты

Не посветишь в свою науку;

Знай, горняя иль дольная, она

Нам на земле не для земли дана. [Баратынский, 1982, с. 299].

Само по себе знание сверхбытийных истин не дает поэту утешения, ведь отраженное в лирике, оно не найдет «отзыва» на земле.

Сверхбытие в книге многогранно. Оно понимается и как идеальная действительность, рай, к которому устремлен «недоносок». Мыслью о посмертном воздаянии утешен лирический герой стихотворения «Что за звуки? Мимоходом...». При этом внеземная реальность — это не только рай, но и ад, как это показано в стихотворении «Бокал». Представление о сверхбытии связано и с внутренним миром поэта, с миром его фантазии, вдохновения — родным для него миром («Толпе тревожный день приветен, но страшна...»). Отразилась в книге и идея Промысла, подлинное смирение перед которым может утолить вопрошающую мысль поэта («Осень»).

7. Небытие

Категория небытия в книге стихов «Сумерки» — одна из наиболее сложных для анализа, в первую очередь потому, что сама идея небытия не находит эксплицитного выражения в текстах. Слово *небытие* в книге не употребляется, в отличие от слова *бытие*, которое появляется 6 раз. Поэтому обратимся к анализу мотивов возникновения, созидания и исчезновения, чтобы понять, представлено ли в книге «добытийное» и «послебытийное» существование.

Мотивы возникновения, то есть появления чего-то или кого-то для бытия, созидания и, наоборот, исчезновения, являются в книге сквозными. Они связаны не с самим лирическим героем книги, а с теми «ликами», которыми поэт расцветивает художественный мир «Сумерек».

Таково появление лирического героя стихотворения «Последний поэт», «своеобразного поэтического манифеста» [Фризман, 1966, с. 101]: *Нежданный сын последних сил природы / Возник поэт: идет он и поет* [Баратынский, 1982, с. 274]. На первый взгляд, появление Последнего Поэта происходит случайно. С. В. Рудакова справедливо обращает внимание на то, что он назван «нежданным сыном», и на то, что именно «последних» сил природы. Исследовательница приходит к выводу, что мир природы здесь — такой же «драхлеющий мир», как и мир цивилизации [Рудакова, 2011, с. 41]. Заметим, что появлению поэта предшествовало создание определенного рода «условий», без которых он не мог появиться: гора Парнас, с ее богатой мифологией, Кастальский ключ, струя которого не случайно названа «живой». Без этого «оазиса» появление Последнего Поэта было бы невозможным, а значит, его возникновение было подготовленным самой природой, хотя действительно оказалось неожиданным. Герой еще не существовал, но условия его появления уже существовали, следовательно, его появление было предопределено.

Баратынский сопоставляет плоды влияния творчества Последнего Поэта, фантазию, развивающуюся в сердцах людей, с возникновением Афродиты: *Как некогда возникла Афродита / Из пенистой пучины вод морских* [Баратынский, 1982, с. 275]. Миф о возникновении богини Афродиты известен из «Теогонии» Гесиода, которую Баратынский мог читать в переводе, сделанном П. И. Голенищева-Кутузова и изданном в 1807 году. Согласно мифу, предопределило рождение богини любви и красоты оскпление Урана Кроном. Несмотря на предопределенность, возникновение Афродиты происходит неожиданно. Недаром П. И. Голенищев-Кутузов, переводя Гесиода, употребляет слово *вдруг*: *Вдруг пена белая на море поднялась, / И нимфа от нее младая родилась* [Гесиод, 1807, с. 70].

В стихотворении «Последний поэт» и лирический герой, и Афродита возникают неожиданно, и вместе с тем появление обоих персонажей было предопределенным.

Аналогично тому, как возникает Последний поэт, появляется другой, юный, поэт, которого приветствует автор в стихотворении «Здравствуй отрок сладкогласной!..»: *Честь возникшему Пииту! / Малолетнюю Хариту / Ранней лирой тронул он* [Баратынский, 1982, с. 292]. Возникновение начинающего автора тоже оказывается заранее заданным, но, в отличие от появления Последнего Поэта и Афродиты, обусловленным волей свыше: *Твой рассвет зарей прекрасной / Озаряет Аполлон!* [Баратынский, 1982, с. 292]. Юного поэта благословляет на творчество сам покровитель искусств.

Предопределенность возникновения лирических героев стихотворений приводит к мысли о том, что в «Сумерках» нет представления об абсолютном небытии. Идея небытия связана здесь с представлением о «несуществовании» субъекта, появление которого подготовлено условиями бытия. Подтверждается это и другим текстом — стихотворением «Мудрецу»: *Нам изволением Зевеса брошенным в мир коловратный* [Баратынский, 1982, с. 484]. Особенно ярко идея предопределенности возникновения выражена в изначальном, совсем ином варианте этого стиха, который был исключен цензурой: *Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным* [Баратынский, 1982, с. 284]. Хотя в книге слово *ничтожество* употреблено в значении «отсутствия таланта» («Коттерии»), в контексте стихотворения «Мудрецу» оно синонимично слову *небытие*. Оба варианта стиха подтверждают, что жизнь на земле, согласно авторской концепции, возникает не от небытия, а напротив, дана от бытия. Да и слово *творчество*, на первый взгляд, здесь полисеманлично: это и деятельность Творца, и искусство. Окончательный вариант стиха проясняет значение слова *творчество*: ведь здесь выражена идея божественного животворения.

С мотивом возникновения связан мотив созидания, сопряженный с тем вопросом, который особенно значим для книги, — с вопросом о смысле искусства. Тема творчества является главной в стихотворении «Скульптор», в его основе — античный миф о Пигмалионе и Галатее, известный по «Метаморфозам» Овидия. Баратынский не воспроизводит миф, а поэтически воссоздает процесс творческого акта, путь от появления образа в сознании скульптора через описание труда к оживлению.

Сначала в воображении творца возникает образ возлюбленной: *Глубокий взор вперив на камень / Художник нимфу в нем прозрел* [Баратынский, 1982, с. 294]. Труд скульптора описан Баратынским как длительный (*Не час, не день, не год уйдет* [Баратынский, 1982, с. 294]) и кропотливый

(*Неторопливый, постепенный / Резец с богини сокровенный / Кору снимает за корой* [Баратынский, 1982, с. 294]). Указан и материал, из которого скульптор создает возлюбленную: у Боратынского это «камень», хотя у Овидия — слоновая кость. Показательно и то, что весь процесс творчества в стихотворении сопряжен с любовью. Увидев в камне образ Нимфы, скульптор *к ней сердцем полетел*. Любовь скульптора имеет двойственную природу. Процесс его творчества назван *негой*. Недаром, анализируя стихотворение, С. В. Рудакова отмечает: «Лирический герой “Сумерек”, оказавшись свидетелем судьбоносной жизненной ситуации Пигмалиона, обращает внимание на то, как сильны в нем страсти, им управляющие, как тесна связь с миром земным и теми чувственными удовольствиями, что эта жизнь может человеку подарить» [Рудакова, 2011, с. 187].

Любовь Пигмалиона в изображении Боратынского не только чувственная, но и духовная: возникновение образа Галатеи в сознании скульптора описано с помощью заимствованного из старославянского языка глагола *прозреть*, который значит не только «обретать способность видеть», но и «предсказать». И сама Галатея не только «желанная», но и «предугаданная». Нельзя преуменьшить и роль материи в создании Галатеи, она создана из камня. Анализ стихотворения «Скульптор» показывает, что созидание субъекта для бытия происходит от бытийных начал, материальных, духовных и чувственных, а не от пустоты, не от небытия. Можно назвать то, что было до «оживления» Галатеи, ее «инобытием» (образ в «прозрении» художника и камень).

Думается, этот вывод противоречит тому, что особой созидательной властью наделен лирический герой всей книги, поэт. Он может из ничего сотворить собственную реку забвения Лету, как это происходит в стихотворении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»: *Еще, порою, покидаю / Я Лету, созданную мной* [Баратынский, 1982, с. 271—272]. Отмечена созидательная власть художника и в последней строфе стихотворения «Недоносок»: *На земле / Оживил я недоносок* [Баратынский, 1982, с. 282]. Однако существование на берегах реки забвения, Леты, оказывается подобным смерти: это существование «как бы во гробе», оно равно небытию. И сам лирический герой устремляется от «созданной им Леты» к жизни, к миру: *И степи мира облетаю / С тоскою жаркой и живой* [Баратынский, 1982, с. 272]. Недоносок, созданный не столько воображением поэта, сколько его разумом, лишен автором подлинно бытийного статуса, как мы это показали выше. Мысль о созидательной власти поэта, «небытийность» того, что создано по необходимости или только рационально, доказывает, что полноценное бытие субъекту дано от бытийного: духовного, чувственного, материального.

Анализ мотивов возникновения и созидания показывает, что появление субъектов для бытия может быть подготовлено духовными условиями (Последний Поэт), случайными событиями (Афродита) или божественным провидением, как это показано в стихотворениях «Здравствуй, отрок сладкогласный!..» и «Мудрецу». Бытийный статус получает созданное в синтезе человеческого духа, труда с материей (сотворение Галатеи), тогда то, что было до бытия субъекта, является его «инобытием». Напротив, созданное по необходимости (Лета) и созданное от разума без духовных и чувственных истоков (недоносок) обретают в книге небытийный статус.

Обратимся к анализу мотива исчезновения, противопоставленного мотивам возникновения и созидания, для того чтобы понять, бытийным или небытийным статусом в книге обладают «исчезнувшие» объекты.

Хотя Баратынский в «Сумерках» и не употребляет слово *небытие*, он использует его синонимы. В стихотворении «о толпе и поэте, о мире мечты и мире действительности» [Гинзбург, 1974, с. 72] «Толпе тревожный день, приветен, но страшна...» появляется слово *пустота*, выражающее идею небытия:

*Оцупай возмущенный мрак
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий призрак
И заблуждению чувств, твой ужас улыбнется.
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет, а за ним опять обители духов откроются врата.*
[Баратынский, 1982, с. 291]

В этих строках М. М. Гиршман увидел «своего рода живые картины, представляющие собой действия мыслящего человека» [Гиршман, 2007, с. 214]. Для нас важно, что с мышлением сопряжено расставание с иллюзиями: «заблужденья», самообман — все это исчезает, становится «пустотой», небытием. Исчезновение образов иллюзорного мира открывает поэту «врата» в мир, для него подлинный, — идеальный мир фантазии.

В стихотворении «Предрассудок! Он обломок давней правды...», в котором выразилась «одна выношенная идея Баратынского: о необходимости уважения к прошлому, к наследию предыдущей эпохи» [Фризман, 1966, с. 106], ушедшая эпоха аллегорически изображена как рухнувший храм: *Предрассудок! он обломок / Давней правды. Храм упал; А руин его потомок / Языка не разгадал* [Баратынский, 1982, с. 277]. Здесь совмещены два смысловых пласта, в чем, собственно, и состоит роль аллегории. Баратынский создает буквально-визуальный образ: читатель может «увидеть» руины упавшего храма, и в то же время поэт создает второй смысловой план:

образ рухнувшего храма воплощает ушедшую эпоху с ее *давней правдой*. Мотив исчезновения связан с обоими смысловыми пластами.

Прочтем буквально: *храм упал* — по сути, исчез, сооружения больше нет, но остаются те *руины*, по которым можно установить то, что он был. Если вдуматься в аллегорический смысл, то окажется, что и *давняя правда* исчезла, сейчас ее нет, но ушедшая эпоха исчезла не совсем, она оставила в качестве наследия *предрассудок*. Подобно тому, как по обломкам павшего храма, можно «достроить» весь облик сооружения, так и пытливый ум, вдумываясь в «предрассудок», сможет восстановить всю культурно-философскую парадигму исчезнувшей эпохи. В этом смысле и храм, и прошедшая эпоха станут составляющими бытия. Наоборот, равнодушный увидит в *руинах* только камни, а в *предрассудке* — только отжившее суждение. В таком случае и храм, и истины ушедшей эпохи окажутся мертвыми, они канут в небытие. Значит, небытие преломляется в «Сумерках» сквозь индивидуально-личное восприятие. То, что для одного человека является частью бытия, для другого может совсем не быть.

Если отвлечься от конкретных примеров и попытаться в контексте анализа мотива исчезновения посмотреть несколько шире на стихотворения, то возникнет соблазн назвать «Сумерки» «книгой об исчезновении». Кажется, исчезает в книге почти все. Исчезает то, что было основой индивидуально-личного бытия, исчезает и то, что когда-то имело общечеловеческое значение. Однако по первом приближении к текстам, увидим: уходящее исчезает не бесследно или приобретает иное качество.

Исчезают друзья, что, конечно, является трагедией для поэта, но остается *звезда разрозненной плеяды* — князь П. А. Вяземский, которому и адресована поэтическая книга. Юность с ее легкостью, иллюзиями и мечтами уходит, как это показано в стихотворении «Были бури-непогоды», но ее сменяет зрелость с мудростью и опытом («Осень»). Исчезновение иллюзий открывает «врата» в подлинный мир поэтического вдохновения и познания бытийных тайн и законов («Толпе тревожный день приветен, но страшна...»). Исчезает и поэзия с ее романтической философией («Последний поэт»). И хотя то, что гармонию с природой сменяет холодный расчет «промышленного века» («Приметы», «Последний поэт»), а современники глухи к наследию прошлого («Предрассудок! он обломок...»), воспринимается Баратынским негативно, даже болезненно и трагически, но его перо не остается глухо к этим изменениям. Ведь, как сам поэт сформулировал в одном из своих «сумеречных» стихотворений, *две области: сияния и тьмы / Исследовать равно стремимся мы* [Баратынский, 1982, с. 301]. И *тьмой* в этом смысле оказываются не только *откровенья преис-*

подней («Бокал»), но и те стороны бытия, которые не могут ускользнуть от поэтической мысли, пусть даже это устрашающие трансформации, ведущие, с точки зрения автора «Сумерек», мир к небытию.

8. Заключение

Е. А. Боратынский не был философом — в том смысле, что он не создал философской системы. Однако Боратынский написал книгу стихов «Сумерки», в которой отразились философские искания поэта.

Бытие в книге оказывается многогранным: это и субъективное существование, это и земное дробное бытие, в котором нет гармонии между природой и человечеством, это и сверхбытие, и «инобытие». Абсолютного небытия в книге нет, оно понимается как субъективное несуществование. За рамками статьи остался анализ темы смерти, ее связи с категориями бытия и небытия, что заслуживает обстоятельного рассмотрения в дальнейшем.

Надо сказать, что онтологические вопросы у Боратынского тесно связаны с вопросами гносеологическими: законы земного бытия познаваемы, но доступно ли сверхзнание? Тайны сверхбытия, согласно Боратынскому, открываются посредством «металогики». А это позволяет говорить о том, что индивидуальные искания Боратынского отвечают общим тенденциям развития истории русской мысли: от И. В. Киреевского и А. С. Хомякова к В. С. Соловьеву и Е. Н. Трубецкому.

Литература

1. Альми И. Л. Сборник Е. А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство / И. Л. Альми // Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. — Владимир, 1973. — Вып. 8. — С. 23—81.
2. *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы / Е. А. Баратынский. — Москва : Наука, 1982. — 720 с.
3. Бодрова А. С. «Духи высшие, не я...» : к истории текста стихотворения Е. А. Боратынского «Недоносок» / А. С. Бодрова // История литературы. Поэтика. Кино : сборник в честь Маризтты Омаровны Чудаковой. — Москва : Новое издательство, 2012. — С. 53—63.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Я. Брюсов. — Москва : Художественная литература, 1975. — Т. 6 : Статьи и рецензии. 1893—1924. «Далекie и близкие». — 656 с.
5. Вайскопф М. Олива мира (Смерть-художница в поэзии Боратынского) / М. Вайскопф // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2003. — № 3. — С. 38—46.
6. Власенко А. И. Поэтический сборник «Сумерки» как художественное единство / А. И. Власенко // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. — 1992. — № 6. — С. 20—27.

7. Гинзбург Л. Я. Поэзия мысли // Гинзбург Л. Я. О лирике. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — С. 42—117.
8. Гиршман М. М. Красота поисков истины / М. М. Гиршман. — В книге : Гиршман М. М. Литературное произведение : теория художественной целостности / М. М. Гиршман. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — С. 209—223.
9. Гесиод — Творения Гезиода / Гесиод. — Москва : Типография Платона Бекетова, 1807. — 102 с.
10. Дарвин М. Н. Художественный мир «Сумерек» Е. А. Боратынского / М. Н. Дарвин. — В книге : Дарвин М. Н. Русский лирический цикл / М. Н. Дарвин. — Красноярск : Красноярский университет, 1988. — С. 97—119.
11. Зеньковский В. История русской философии / В. Зеньковский. — Москва : Раритет, 2001. — 880 с.
12. Киреевский И. В. Критика и эстетика / И. В. Киреевский. — Москва : Искусство, 1979. — 439 с.
13. Козубовская Г. П. Поэтическая философия Е. А. Боратынского : «границы бытия» / Г. П. Козубовская // Культура и текст. — 2015. — № 3. — С. 261—303.
14. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / сост. А. М. Песков. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 496 с.
15. Лебедев Е. Н. Тризна : книга о Е. А. Боратынском / Е. Н. Лебедев. — Санкт-Петербург ; Москва : Летний сад, 2000. — 288 с.
16. Патроева Н. В. Концепт «бытие» в поэтической картине мира Е. А. Боратынского : к реконструкции языковой личности «поэта мысли» / Н. В. Патроева // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты. — 2014а. — № 19. — С. 161—171.
17. Патроева Н. В. Поэтическая концептосфера Е. А. Боратынского : образ «жизни» в лирике «поэта мысли» / Н. В. Патроева // Русский язык в школе. — 2014б. — № 7. — С. 39—45.
18. Пушкин А. С. Баратынский / А. С. Пушкин. — В книге : Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 11. Критика и публицистика, 1819—1834. — С. 185—187.
19. Рудакова С. В. Книга стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского как лирическое единство : монография / С. В. Рудакова. — Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2011. — 250 с.
20. Рудакова С. В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Боратынского : монография / С. В. Рудакова. — Магнитогорск : МаГУ, 2013. — 164 с.
21. Соловьев В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. — Москва : Алгоритм, 2012. — 656 с.
22. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. — Москва : Канон+, РООИ Реабилитация, 2005. — 480 с.
23. Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского / Л. Г. Фризман. — Москва : Наука, — 178 с.
24. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. — Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. — 411 с.

25. Хузеева Л. П. Вопрос о жанре «Сумерек» Е. А. Боратынского в русском и зарубежном литературоведении / Л. П. Хузеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8, Ч. 2. — С. 192—195.

Categories of Being and Non-Being in Book of Poems “The Twilight” by Ye. A. Boratynsky¹

© Anokhina Yuliya Yuryevna (2017), orcid.org/0000-0001-8917-5445, PhD student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; research scientist, Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), julia.ane@yandex.ru.

The question of how Ye. A. Boratynsky interpreted the categories of being and non-being in a book of poems “The Twilight” (1842) is covered. It is noted that “The Twilight” became the final book of the poet, it reflected his philosophical quest in the 30-ies of the 19th century. On the other hand, that is stressed by the author of this article, the publication of “The Twilight” marked the end of the whole era — the romantic era with its art and philosophy. It is alleged that Ye. A. Boratynsky reflects on the being as the existence of a subject, on the being as “vale of tears,” and also the super-being. Through the analysis of the motives of emergence, creation and disappearance that can be traced in the works by Ye. A. Boratynsky, the poet’s views on the non-being and “the otherness being” are revealed. It is argued that ontological problems in “The Twilight” are closely related to epistemological issues. It is shown that, according to the creative conception of Ye. A. Boratynsky, not sensual or rational way of knowing leads to the true knowledge, but “meta-logic” one, that is, the mysteries of super-being open through the “meta-logic.” The author concludes that individual strivings of the poet respond to common trends in the development of the history of Russian thought.

Key words: being; non-being; poetry; Ye. A. Boratynsky; romanticism; book of poems “The Twilight.”

References

- Almi, I. L. 1973. Sbornik E. A. Baratynskogo «Sumerki» kak liricheskoye edinstvo. In: *Voprosy literatury. Metod. Stil'. Poetika*. Vladimir. 8. (In Russ.).
- Baratynskiy, E. A. 1982. *Stikhotvoreniya. Poemy*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Bodrova, A. S. 2012. «Dukhi vysshiye, ne ya...». K istorii teksta stikhotvoreniya E. A. Boratynsogo «Nedonosok». In: *Istoriya literatury. Poetika. Kino: sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoy*. Moskva: Novoye izdatel'stvo. (In Russ.).
- Bryusov, V. Ya. 1975. *Sobraniye sochineniy, 7/6. Stat'i i retsenzii. 1893—1924. «Dalekiye i blizkiye»*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Darvin, M. N. 1988. Khudozhestvennyy mir «Sumerek» E. A. Baratynskogo. In: *Russkiy liricheskiy tsikl*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy universitet. (In Russ.).

1 This scientific investigation was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

- Frizman, L. G. *Tvorcheskiy put' Baratynskogo*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gesiod. 1807. *Tvoreniya Gezioda*. Moskva: Tipografiya Platona Beketova. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. 1974. Poeziya mysli. In: Ginzburg, L. Ya. *O lirike*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).
- Girshman, M. M. 2002. Krasota poiskov istiny. In: Girshman, M. M. *Literaturnoye proizvedeniye: teoriya khudozhestvennoy tselostnosti*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Khomyakov, A. S. 1900. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bulvare. 8 (In Russ.).
- Khuzeeva, L. R. 2013. Vopros o zhanre «Sumerki» E. A. Boratynskogo v russkom i zarubezhnom literaturovedenii. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8/2: 192—195. (In Russ.).
- Kireyevskiy, I. V. 1979. *Kritika i estetika*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Kozubovskaya, G. P. 2015. Poeticheskaya filosofiya E. A. Boratynskogo: «granitsy bytiya». *Kultura i tekst*, 3: 261—303. (In Russ.).
- Lebedev, E. N. 2000. *Trizna: kniga o E. A. Boratynskom*. Sankt-Peterburg; Moskva: Letniy sad. (In Russ.).
- Patroyeva, N. V. 2014a. Kontsept «bytie» v poeticheskoy kartine mira E. A. Boratynskogo: k rekonstruktsii yazykovoy lichnosti «poeta mysli». *Lingvori-toricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 19: 161—171. (In Russ.).
- Patroyeva, N. V. 2014b. Poeticheskaya kontseptosfera E. A. Boratynskogo: obraz «zhizni» v lirike «poeta mysli». *Russkiy yazyk v shkole*, 7: 39—45. (In Russ.).
- Peskov, A. M. 1998. Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Boratynskogo. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. 1937—1959. Baratynskiy. In: Pushkin, A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy*, 16/11. *Kritika i publitsistika, 1819—1834*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
- Rudakova, S. V. 2011. *Kniga stikhov «Sumerki» E. A. Boratynskogo kak liricheskoye edinstvo*: monografiya. Saarbrücken: LAP LAMBERT. (In Russ.).
- Rudakova, S. V. 2013. *Osnovnyye obrazno-semanticheskiye kategorii poeticheskogo mira E. A. Boratynskogo*: monografiya. Magnitogorsk: MaGU. (In Russ.).
- Solovyev, V. S. 2012. *Opravedaniye dobra*. Moskva: Algoritm. (In Russ.).
- Trubetskoy, E. N. 2005. *Smysl zhizni*. Moskva: Kanon+; ROOI Reabilitatsiya. (In Russ.).
- Vayskopf, M. 2003. Oliva mira (Smert'-khudozhnitsa v poezii Boratynskogo). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 3: 38—46. (In Russ.).
- Vlasenko, A. I. 1992. Poeticheskii sbornik «Sumerki» kak khudozhestvennoe edinstvo. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya, 9. Filologiya*, 6: 20—27. (In Russ.).
- Zenkovskiy, V. 2001. *Istoriya russkoy filosofii*. Moskva: Raritet. (In Russ.).